

Ки Чанс

*Шайба в
ворота
дружбы*

Ки Чанс

Шайба в ворота дружбы

«Издательские решения»

Чанс К.

Шайба в ворота дружбы / К. Чанс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859190-7

Книга начинается с описания худшего дня в жизни Серёги Ватрушкина. Он сорится с подругой, злится из-за своей несерьёзной фамилии, не может понять «этих женщин», включая маму, которым так нравятся хоккей и хоккеисты. Ещё больше Серёга переживает по поводу своего неспортивного, рыхлого вида... Недовольство собой приводит Ватрушкина в такую ярость, что он прогрызает подушку и готовится принять жизненно важные решения. Но тут сама жизнь врывается в его комнату криками о помощи соседской девочки...

ISBN 978-5-44-859190-7

© Чанс К.

© Издательские решения

Содержание

От автора с благодарностью	6
Глава 1. Страдания Ватрушкина и «Охи» из Артека	7
Глава 2. Свой ледовый узор и кураж «по-мужски»	9
Глава 3. «Лига рассветного хоккея» и окошко первой любви	11
Глава 4. Клюшка дружбы, зависший вертолёт и чудодейственная Таблетка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Шайба в ворота дружбы

Ки Чанс

© Ки Чанс, 2018

ISBN 978-5-4485-9190-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора с благодарностью

Есть профессии, которые уходят в вечность и влияние учителя не прекращается никогда...

Книга посвящается всем учителям и учащимся школы №38 города Владивостока. Города, где живут люди с душой океанского калибра и тихой мощью дальневосточной тайги. И, конечно, моей семье – за любовь и поддержку.

*Мануковская Татьяна —
выпускница школы №38 (Ендовицкая), Лауреат литературных конкурсов им.
Чехова и Добрый лёд,
номинант на национальную премию Писатель года 2018
(детская литература),
Член Российского союза Писателей*

Глава 1. Страдания Ватрушкина и «Охи» из Артека

Серёга Ватрушкин свою фамилию не любил. Активно и откровенно.

– Слушай, Иван! – жаловался он другу, семикласснику Гвоздеву. – Вот тебе не стыдно девчонке сказать: «Привет! Я – Гвоздев. Можно просто Гвоздь». А мне какво? Представь. Подхожу я к незнакомке и выдаю: «Привет, я Ватрушкин. Можно просто Ватрушка...»

– Да не парься ты так сильно! Главное, – это *как* подойти! С каким видом...

– Да я всем видом опадаю сразу как только фамилию свою произношу. Поэтому и зависаю в сетях... Там у меня крутые «ники». И никто до фамилии не докапывается.

Его второй закадычный друг Лёха Железняков горе Ватрушкина понимал и разделял. Но только наполовину.

– Слушай, Ватруха! Тебе же отличница Пятакова нравится. Тоже ещё та фамилия. А ей хоть бы хны...

– Ну... Пятакова – это от «пять». Верка в это твёрдо верит. А когда кто-то во что-то верит, то и ему все верят.

– Твой отец – сапёр. Специалист по взрывоопасной технике и разминированию. А ещё – классный хоккеист. Пусть и любитель. Не понимаю, что ты так по поводу фамилии какой год переживаешь! Твоя мать, артистка нашего драматического театра, выбрала твоего отца и не заморачивалась насчёт фамилии.

– Ага! Не заморачивалась! Сама-то Бобровой осталась!

– Ну ты даешь! Она же артистка! Артисты своего имени не меняют. Оно с ними остаётся навсегда. Но замуж твоя мама вышла за Ватрушкина.

Эти разговоры ненадолго смягчали проблему, но выкорчевать её из головы Серёги не могли.

А тут ещё Вера Пятакова стала присылать из Артека странные эсэмэски. В Артек она попала как победительница Краевой Исторической Олимпиады. Тему выбрала курам насмех, с точки зрения Серёги: «История развития балета на Дальнем Востоке».

– Дальний Восток – это мореплаватели, пограничники, географы-исследователи, это, наконец, тайга! Вот о чём надо писать – убеждал подругу Ватрушкин.

– У нас свой театр оперы и балета! Даже есть Приморская сцена Мариинского театра! Я семь лет балетом занимаюсь. А ты мне про тайгу. Я, знаешь, сколько интересного про балет узнала за эти два года. Можно сказать, другим человеком стала.

– А я этого не понимаю.

– Да что тут понимать! Взят бы да поинтересовался историей хоккея, например... У тебя же отец – фанат дворового хоккея! А ты прилепился к футболу, который тебе не очень-то нравится. Ты же просто за компанию с Гвоздевым в секцию ходишь. Сам говорил...

– Ещё чего! У меня ноги того... С коньками не дружат. Повороты вообще с трудом делаю. Особенно направо. А там же надо ещё клюшкой махать, шайбу вести, подавать и отбирать. Да и поздно уже...

– Очень мужской разговор! – сказала в тот раз Вера и насмешливо вздёрнула всегда аккуратно, волосок к волоску, причёсанную головку с насмешливыми серыми глазами. – Некоторые в нашей стране научились и с коньками дружить, и шайбой «махать» в гораздо более продвинутом возрасте. И даже в Ночной Хоккейной Лиге играют напару с профессионалами. Ничьи фамилии на ум не приходят?

Подобные разговоры ничем не заканчивались. Серёга в очередной раз шёл с Гвоздём на футбольные тренировки, где большую часть времени сидел на скамье запасных, а Верочка упрямо ходила на все хоккейные матчи местной команды «Адмирал» и не пропускала ни одной игры юниоров. Понять такого интереса балерины к хоккею Ватрушкин не мог.

А этим летом Вера огорошила его посланиями с «ахами» и «охами» из Артека. «Ахи» относились к китайской девочке из соседнего отряда, которая с пяти лет стояла на хоккейных воротах, пока её брат хавбек защищал сестру от слишком агрессивных нападающих команды-противника. А «охи» к парню из юношеской команды с Урала, который забил больше шайб за один турнир на кубок губернатора, чем профессиональные нападающие из одноимённого клуба «Металлург».

Глава 2. Свой ледовый узор и кураж «по-мужски»

– Слушай, мама! – решился на разговор Ватрушкин в один из самых «кислых» вечеров, когда десятое «ох» в адрес незнакомого пацана с Урала так крепко застопорило голову Серёги, что он не мог ни есть, ни беспечно зависать «В контакте», ни даже слушать любимую «Металлику». – А наш папа давно хоккеем увлекается?

– Давно! Со школы. Тогда ещё ни одной хоккейной коробки во Владивостоке не было.

– А где же народ на коньках катался?

– На катках. Самый старый, в центре Владивостока, ещё в 19 веке для публики открыли. Люди платили 50 копеек по выходным, 20 по будням и шли проводить культурно время. Каток освещался красивыми фонариками, играла музыка, народ приходил интеллигентный, воспитанный. Короче говоря, люди шли за культурным досугом.

– Не понимаю я этого. Лёд – и культурный досуг! Лёд – это жёсть. Это скользко, опасно, жёстко... А бывает и очень больно!

– А ещё это звонко, плавно, виртуозно и артистично. И всегда смело! Каждый рисует на льду свою мелодию... Ведь мы все разные. И будь даже коньки у всех одинаковые, каждый нарезает ими свои узоры. У каждого свои углы, эллипсы и окружности... И своя музыка атаки. Всё, как в жизни.

– Ты что, тоже фанатик хоккея? Это же очень агрессивная игра! Иной раз беспощадная. А ты – артистка. Да ещё танцующая и поющая. Назови хоть одно совпадение между хоккеем и твоей профессией!

– Назову! Даже больше одного. Самое первое – это хореография.

– Хореография?! Так вот почему Вере так нравится хоккей. Только понятнее мне не стало...

– Ты знаешь, сынок, школа русского хоккея – совершенно особая. Анатолий Тарасов – основатель этой школы, создал уникальный, инновационный стиль игры.

– Как можно создать что-то «уникальное» в игре, где каждый член команды подчиняется жёстким правилам?

– Можно! Знаешь, что говорили и писали американцы, впервые увидев игру нашей команды? Они признавались, что не могли оторвать глаз от тренирующихся русских хоккеистов! Так необычно, так красиво и изящно было то, что они видели. Спортивные обозреватели писали о непревзойдённой виртуозности нашей манеры игры. А где виртуозность – там и творчество. Вот тебе и второе совпадение между театром, балетом и хоккеем.

– Но когда Лёха Железняков готовил к уроку физкультуры доклад по истории хоккея, то он ничего такого не говорил.

– Значит, плоховато подготовился. Наш известный хоккеист Анатолий Фирсов был самым большим хоккеистом-затейником. Он не только во время тренировок, но даже на матчах умудрялся переключать внимание публики на себя...

– Но как? Он что-то выкрикивал? Или одевал что-нибудь прикольное?

Мама посмотрела на сына со снисходительной улыбкой.

– Вообще-то настоящий мужчина такого дешёвого внимания не ищет. Настоящий мужик делает своё дело настолько лучше, профессиональнее других, что на него засматриваются. И им восхищаются. А слабаки – завидуют. Иногда, конечно...

– Да что же он делал, что все на него смотрели? Этот самый Фирсов?

– Вести шайбу к воротам противника – дело трудное. А Фирсов умудрялся его усложнять... Для куража! Для задорности! Он мог вести шайбу и совершать прыжки. По ходу дела, так сказать. Причём такие красивые, что они выглядели как настоящие танцевальные па! Иной раз его передвижения по полю были настолько артистичными, что казалось, будто это хоккей

и балет на льду одновременно. А в обводке соперника ему равных не было! Невозможно было угадать, какой финт он выкинет в следующую секунду. Вот тебе и третье совпадение с балетом и сценой – импровизация! Знаешь, сколько раз мне, актрисе, приходилось придумывать на ходу, что делать в следующий момент? То партнёр реплику забудет. То свет не так на сцену подадут. А однажды не включили музыку, под которую я должна была петь. Так целый монолог и дурашливый танец за пять секунд сочинила и под бурные аплодисменты исполнила. Дала время звукооператору найти и поставить нужную запись.

– Начинаю немного врубаться. В театре вы хоть знаете, кто и что должен сказать, куда посмотреть и в какую сторону двигаться. А в хоккее... Всё непредсказуемо! Ну и трудно, наверное, тренерам.

– Ещё бы! Знаешь, что тот же Тарасов сказал? «Мало собрать команду звёздных игроков, надо, чтобы и тренер соответствовал этой команде». А уж Анатолий Тарасов нашей сборной соответствовал на все сто!

– А что в нём было особенного?

– Всё! Он был гениальным тренером, который отдавал себя целиком своим ученикам. И это тоже – чисто русская особенность. Когда Ирина Роднина, наша знаменитая фигуристка, начала работать в Америке, то это разница сразу ей бросилась в глаза. Она сказала, что в России тренер – это и мама, и подруга, и подушка, в которую можно поплакаться, и очень требовательный педагог-воспитатель.

– А в Америке разве не так?

– Ей показалось, что не так. Там ты просто тренер. И всё. И работает тренер ровно столько, за сколько ему заплатили. А Тарасов сам зажигался от наших ребят и «сжигал» себя буквально на каждой тренировке. Всегда был на коньках. Мог сам лечь под шайбу и встать на ворота...

– Вот и Вера мне рассказывала, что их преподавательница балета каждый урок вместе с ними проживает... И такая требовательная! Ни минуты опоздания не терпит. И мелких жалоб не принимает. Говорит: «Там зачесалось, здесь засвербело, а мы – ноль внимания! Руки вразлёт, ноги в позицию, грудь вперёд, голову гордо вверх – и полетели в танце!».

– Ну вот, видишь, ещё одно совпадение – исключительная выдержка и выносливость. Не хуже, чем у набивших оскомину «суперменов».

Хлопнула дверь.

– Привет всем! – на кухню заглянул отец. Лицо у Сергея Сергеевича старшего покраснелось. Яркие голубые глаза на веснушчатом, как у сына, лице осыпали жену и отпрыска брызгами мальчишеского задора и непокорности. Хотя отцу и было уже ближе к пятидесяти, чем к сорока. Серёга был поздним ребёнком.

– О чём секретничаете?

– Да вот выясняем, что общего между хоккеем и балетом?

Отец переделся и присоединился к семье.

– Ну и как? Выяснили?

– Да вроде бы да... А вот скажи, почему ты начал заниматься хоккеем, когда даже короб дворовых не было. Да и Владивосток только сейчас начинает интересоваться хоккеем по настоящему. Хотя бы клуб «Адмирал» появился. Да и «Фетисов-арена» заработала. А вы где играли в хоккей?

Глава 3. «Лига рассветного хоккея» и окошко первой любви

– Я начал играть в хоккей после одного случая. Который едва не закончился гибелью моего товарища. Кольки Шустрова...

– Того самого, чей портрет в школьном коридоре висит?! Среди самых известных выпускников? Типа «Ими гордится школа...»

– Да. Того самого. Известного математика, программиста, учёного, специалиста по робототехнике и «искусственному интеллекту».

– Да он же «ботаником», наверное, был... Юным гением! Когда он находил время ещё и в хоккей играть?

– Знаешь, сынок. Этот вопрос руководителю нашего государства зачастую задают.

– И что он отвечает?

– Коротко и точно: «Чем больше делаешь, тем больше успеваешь». Вся проблема в том, что когда вы по Ю-Тюбу или Контакту часами бесцельно бродите, вы это время просто сжигаете и выкидываете из своей жизни. Безвозвратно! Но в том же Ю-Тюбе и Интернете можно столько полезного найти! Только для этого надо определиться с темой и целью. Я, например, сегодня буду искать и на русском, и на английском воспоминания тех американских журналистов, которые писали о хоккее в эпоху холодной войны. И о том, как хоккеисты обеих стран даже в те времена дружили и друг другу помогали. Мы на следующем заседании клуба хоккейных дворовых команд решили об этом поговорить.

Младший Ватрушкин выглядел притихшим и слегка ошарашенным.

– Ну а, всё-таки, с чего всё началось?

– Милые мальчики! – строго сказала мама. – У нас кальмары скоро сами весь свой соус съедят. От скуки. И шарлотка яблочная корочкой гнева покроется. Так что – мыть руки и за стол! Разговоры – потом!

По вечерам отец Ватрушкина питался исключительно протеинами. А так как оба – он и мама – обожали морепродукты, то на ужин обычно готовилось два блюда. Одно с каким-нибудь экзотическим названием вроде «гребешки по-эльзаски» для взрослых, а второе – для наследника, Ватрушкина младшего, который протеины уважал, но предпочитал употреблять их в более привычной форме распластанного на тарелке «цыплёнка-табака» или изнывающего от обилия собственных соков большого бифштекса. Гамбургеры и чизбургеры были «тайной, тёмной» стороной жизни Железа и Ватрушкина, которую они тщательно и успешно скрывали от родителей. Обманывать их оказалось гораздо легче, чем собственные брюки и джинсы. В четырнадцать лет рыхловатые животы не желали подчиняться ни заклёпкам, ни молниям и безнадёжно нависали над новомодными, крутыми ремнями. Гвоздь, правда, последние полгода фаст-фуды игнорировал. Ну, с ним всё было понятно. Во-первых, он втюрился в новенькую ученицу Жасмин. Во-вторых, тренер крутой юношеской футбольной команды, куда Гвоздя пригласили на летние просмотрные игры, очень коротко сказал:

– Даю месяц на то, чтобы убрать живот. С такой немужской «опухолью» даже не приходи.

Так что Гвоздь стройнел на глазах. По вечерам даже на Сопку Любви стал с подружкой бегать. А потом ещё весь Проспект Столетия Владивостока пару раз утюжить спортивной трусцой. Ватрушкин с Железниковым хоть вслух над ним и посмеивались, но в душе восхищались. И даже завидовали. Каждый ждал особого случая в своей жизни, который бы их встряхнул и вдохновил на нечто подобное.

После ужина Сергей младший не дал отцу углубиться в поиски примеров советско-американской дружбы, а упросил его рассказать о его друзьях детства и том страшном случае, после которого он и решил заниматься хоккеем.

– Дело было зимой. Колька Шустров к тому времени изучил правила игры в хоккей по книжкам и тренировался с ребятами с соседних улиц на озере «Юность».

– Так оно и сейчас зимой в каток превращается! Правда, там ни проката, ни особых удобств...

– А тогда ребята сами лёд от снега расчищали. Обычно вставали в шесть утра, чтобы до школы поработать и приготовить площадку для игры. Ну и замёрзшим Амурским заливом не брезговали. Как раз тем его кусочком, что вам из школьных окон виден.

– Сейчас он всё реже замерзает! Бабушка рассказывала, что раньше они с дедом часто на рыбалку туда ходили. Корюшку ловили... Ту, которая арбузом пахнет...

– Было такое дело! А как ТЭЦ построили, так и вся экология стала трещать. Но ведь и тепло, и свет в домах тоже нужны... Ну да ладно! Сейчас не об этом. Однажды ранней зимой, в ноябре, Колька с товарищами по команде сбежал с уроков. Вернее, они вообще на уроки не пошли. Всё утро, считай, в темноте расчищали лёд и решили, что перед встречей с соперниками, командой с улицы Некрасовской, им нужно потренироваться. Школьных дней ещё будет много, а матч с главными соперниками – один, и состоится он завтра.

– Но почему они вдруг решили на льду залива играть? А не на озере?

– Это остаётся тайной. Но, думаю, тут любовь оказалась примешанной.

Сергей старший взглянул на черноволосую, кареглазую, стройную, как южный кипарис, Светлану, и она ответила ему хитрым взглядом.

– Он что! На нашу маму запал? – возмутился Ватрушкин.

– В точку! Только тогда она была просто Светкой. Хулиганистой, влюблённой в хоккей, футбол, настольный теннис и длинные рискованные походы девчонкой.

– И очень верным другом всем вам! Ни разу за тридцать пять лет дружбы ни на одного не наядбничала! Ни одного не сдала и не предала. Но в тот день! Я была просто всеми вами возмущена. Как и Нелли Кривицкая, и Тина Носова

– Понимаешь, сынок, мальчишки решили немного повыпендриваться. Колька знал, что Света сидела как раз возле окна, которое выходило на залив. Так что она всю их команду заметила сразу. На первом же уроке математики. Но никому, кроме двух лучших подруг, ничего не сказала. Девчонки возмутились. С утра и городское, и школьное радио предупреждало, чтобы на лёд никто не выходил. Он мягкий, некрепкий, местами даже талой водой покрыт.

– Папа, ну а ты! Ты-то как там оказался?

– Я заметил, что девчонки тайком куда-то собрались. В раздевалку ползком пролезли, потом дождалась звонка на урок и... Просто вылетели пулей из школы.

– Мы, когда на берег прибежали, решили было, что зря. Ребята собирались уходить домой. Сами поняли, что оставаться опасно. Входило солнце, припекало, лёд мог совсем подтаять, – вступила в разговор мама.

– Но Шустров и ещё один, Никитенко Пашка, решили остаться. А я вдруг взял, да и к ним присоединился. Сам не знаю, почему. А дальше... Дальше произошло вот что...

Глава 4. Ключка дружбы, зависший вертолёт и чудодейственная Таблетка

На тонком, молодом льду прыгали, кувыркались, строили смешные и страшные рожицы три мальчика. На твёрдой, надёжной полоске земли замерли и молча смотрели на них три девочки. Все они были закадычными друзьями почти с пелёнок: жили в одном доме, учились в одной школе, вместе безобразничали и шалили. Даже уроки часто делали вместе.

Но в тот день они были врозь. Принципиально! Девочки ополчились на друзей всерьёз. Лёд был хрупкий, слабый и очень опасный. Он легко таял.

Заводилой был Колька Шустров: он становился на голову, изображал походку пингвинов, представлял себя «ледовым гимнастом» и прыгал с подвёртами и вывертами всё выше и выше.

Вдруг одна девочка увидела, что от Кольки осталась только половина! Ноги и почти всё туловище мальчика исчезли.

– Нелли! Смотри! Колька поломался!

– Как поломался? Такого не бывает.

– Но от него только половина осталась! И клюшка в руке торчит!

– Да он же под лёд ушёл! – закричала третья девочка и бросилась бежать по берегу, налево, к учебной военно-морской базе.

Подруги бросились вслед. До базы было всего сто метров: за пару минут можно добежать. На полпути одна из подруг остановилась и вернулась назад. Девочки и без неё попросят помощи у моряков, а друзей надо поддержать. Надо заставить их продержаться хотя бы минут пятнадцать.

– Пацаны! Держитесь! – закричала Света. – Моряки вас спасут! Они знают, что делать!

Между тем, два других мальчика легли на живот и медленно поползли к проруби, в которой с криком барахтался Колька. Ребята смогли ухватиться за хоккейную клюшку, которую мальчик не выпускал из рук. Клюшка была особенная. Колька мечтал быть форвардом. Таким, как Всеволод Бобров. И с помощью папы он сделал себе клюшку, как у знаменитого хоккеиста – с длиннющим крюком в тридцать два сантиметра. Крюк был достаточно широким, и Паша с Серёгой за него ухватились. Медленно, осторожно друзья начали вытаскивать Кольку из проруби. Но как они ни старались, у них ничего не получалось. Края проруби обламывались, она становилась всё больше, а Коля кричал всё слабее.

Потом случилось самое страшное. Огромный кусок льда, на котором были дети, откололся и вместе с прорубью стал отплывать всё дальше от берега.

– Ребята, держитесь! Не дайте другу уйти под воду! Помощь вот-вот прибывает!

Серёга Ватрушкин, видя, как слабеет Колька, как тяжело ему держаться на воде без рук, стал аккуратно, почти нежно ощупывать лёд вокруг проруби. Через пару минут он нашёл более или менее крепкое место и тихонько, по-пластунски пополз туда.

– Колян! Оставь клюшку в правой! Поддай мне левую. Я близко! Вытягивай руку! Давай, давай, тяни!

И Сергей крепко зажал в руке ледяную ладошку товарища.

И в этот момент послышался стрёкот вертолёта.

– Ура! Помощь прибыла! Мальчишки! Сейчас вас снимут с этой льдины!

Света прыгала, размахивала синим шарфом и кричала. Казалось, она обращалась к самому морю. Потому что друзья её уже не слышали. Море тихо и неумолимо забирало их к себе...

Маленький военный вертолёт быстро подлетал к льдине. Потом он завис на одном месте, затем закружил над мальчиками, нарезая круги всё меньше и всё ниже. Вдруг из вертолёта что-то выпало. Это был крепкий морской канат с узлом на нижнем конце.

Кто-то через микрофон закричал:

– Положите его руки на узел каната! Руки на узел! Сами не двигайтесь и на лёд не вставайте! Ребята! Делайте, как вам говорят! Пошевеливайтесь! – неслоь сверху.

Но Колян не выпускал из рук свою клюшку. Она, как он объяснил позже, представлялась ему чуть ли не дорогой жизни. Путём к спасению.

Прошло ещё несколько минут. Берег уже был полон народа: учителя, дети, жители соседних домов прибежали в надежде помочь. Мама Коли тихо плакала. Её поддерживали под руки двое соседей.

Внезапно вертолёт ушёл на новый круг, и все ахнули: из него выпала лестница с маленькой фигуркой на верхней ступеньке.

– Смотрите! Смотрите! – кричала Нелли – Какой-то акробат на лёд опускается.

– Нет, – не согласилась Тина. – Это должен быть спасатель.

Конечно, это был спасатель. Но уж очень тоненький и хрупкий. Выглядел спасатель странно: его живот лежал на чём-то вроде матраса, а с плеча свисал рюкзак размером чуть ли не больше самой фигуры.

– Наверняка спортсмен, – упорно стояла на своём Нелли. – Вон как ловко у него получается.

Человек медленно спускался по лестнице, а вертолёт делал манёвры, чтобы зависнуть прямо над прорубью с тонувшим мальчиком. Наконец, то, что оказалось настоящим надувным матрасом, упало на лёд. Следом, расставив руки и ноги, как летящий парашютист, приземлилась тоненькая фигурка.

– Да это же наша «Таблетка»! – закричали люди на берегу. Так, любя, звали военную медсестру Майю за её белоснежный халат, красивое круглое лицо и талант излечивать больных одним своим видом.

– Не двигаться! – приказала Майя мальчикам на льду.

Сама она подползала к проруби на матрасе: очень медленно и осторожно.

Когда руки Майи достигли проруби, она обхватила ими одну руку Кольки, ту самую, с зажатой в ней клюшкой, приказав его друзьям уцепиться вдвоём за вторую. В четыре руки они начали тянуть мальчика наверх. Если лёд обламывался, все трое отползали, и тогда Майя тянула Колю за клюшку. Вес мальчика распределялся по большей площади льда, давление на лёд уменьшалось, и Колян медленно, но верно «выползал» на безопасную территорию. Через минуту Николай, синий и заледенелый, лежал на матрасе, а Таблетка резким, точным движением открыла рюкзак и принялась колдовать над спасённым мальчиком.

– Мой сын живой? – прошептала мама спасённого, и в этот момент Коля зашевелился. Люди на берегу прыгали, кричали и обнимали друг друга.

Но тут случилось непонятное! Вертолёт развернулся и стал улетать в сторону базы, оставив терпящих бедствие одних! Одних, на льдине, которая медленно уходила в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.